

Фарли Моуэт

Собака, которая
не хотела быть просто
СОБАКОЙ

рисовала Нина Кузьмина

Фарли Моуэт

**Собака, которая не хотела
быть просто собакой**

1957

Моуэт Ф.

Собака, которая не хотела быть просто собакой / Ф. Моуэт —
1957

ISBN 978-5-00-114195-2

Порода Матта не поддавалась определению – он точно был единственным псом в своем роде. Он умел лазить по деревьям и приставным лестницам, катался в открытой машине в защитных очках, а его охотничьей сноровке позавидовал бы любой чистокровный ретривер. Он был удивительной собакой, достойной необычного мальчика, росшего в диких прериях. «Собака, которая не хотела быть просто собакой» – это пронзительные и смешные воспоминания знаменитого канадского писателя Фарли Моуэта о его детстве и о незабываемой дружбе. В 2018 году в издательстве «Белая ворона» вышла его книга «Не кричи “Волки!”» (1963). Иллюстрации Н. Кузьминой

ISBN 978-5-00-114195-2

© Моуэт Ф., 1957

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Фарли Моуэт
Собака, которая не хотела
быть просто собакой

*Моим родителям, давшим мне такую юность
И Матту, который поделил со мной каждый ее час*

The Dog Who Wouldn't Be – Copyright© Farley Mowat, 1957

Izdatelstvo Albus Corvus

Russian language edition © 2020 All rights reserved

© К. Н. Вальдман (наследник), перевод, 1981

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2020

Глава 1

Появление Матта

В тот августовский день 1929 года гнетущая мгла окутала город Саскатун. По часам было близко к полудню, по солнцу... но густая пыль спрятала солнце. Подхваченная осенними ветрами, оскверненная почва прерий поднималась над новыми пустынями Юго-Запада и двигалась на север, заслоняя небо.

В нашем маленьком домике на окраине мама включила электричество, а затем вернулась к приготовлению обеда для папы и для меня. Папа еще не пришел с работы, а я – из школы. Мама была наедине с этим мрачным днем.

Звук дверного колокольчика вызвал ее из кухни в холл. Она приоткрыла входную дверь всего на несколько дюймов¹, как будто опасаясь, что грозное небо сметет ее и ворвется в дом.

В наружности человека, который с виноватым видом стоял на крыльце, не было ничего угрожающего. Маленький мальчик, лет десяти, переминался с ноги на ногу по щиколотку в сером песке, который бесшумно сыпался на город день и ночь. Мальчик держал перед собой плетеную корзинку; когда дверь открылась, он протянул корзинку маме и проговорил неуверенным голосом, хриплым от пыли и от страха получить отказ:

– Хозяйка, не хотите купить утку?

Мама немного растерялась, услышав в его словах отголосок всем надоевшей шутки, которая не сходила с уст комиков того времени². Но это не помешало ей заглянуть в корзинку, где она, к своему изумлению, обнаружила трех тощих утят с раскрытыми от жары клювиками и затиснутого между ними невзрачного, грязного щенка.

Мама была тронута и заинтригована, но она, конечно, не собиралась покупать утку.

– Пожалуй, нет, – сказала она с мягкой улыбкой. – Почему ты их продаешь?

Мальчик набрался смелости и улыбнулся в ответ.

– Приходится, – сказал он. – Болото по дороге на ферму высохло. Больших мы съели, а эти маленькие – есть нечего. Я продал несколько штук в трактирчик, китайцам. Не желаете ли остальных, хозяйка? Они дешевые: всего лишь по десять центов.

– Извини, – ответила мама. – Мне негде держать уток. А собачка у тебя откуда?

¹ В дюйме 2,54 сантиметра. (Здесь и далее – примеч. перев.)

² «Не хотите купить утку?» – популярный в 1930-е годы номер американского комика Джо Пеннера (1904–1941).

Мальчик пожал плечами.

– Эта-то? – сказал он равнодушно. – Да так, случайно. Думаю, что ее вышвырнули из автомобиля прямо у наших ворот. Таскаю с собой на всякий случай. Собаку ведь не продашь.

Его лицо оживилось – видно, в голову пришла идея.

– Послушайте, хозяйка, вам ведь нужна собачка? Я вам ее за пять центов уступлю. Вот и сэкономите пятицентовик.

Мама колебалась. Затем почти непроизвольно ее рука потянулась к корзинке. Щенок изнемогал от жажды, и протянутые пальцы, должно быть, показались ему спасительным источником, посланным прямо с небес. Он торопливо и неуклюже перевалился через утят и стал сосать пальцы. Мальчик быстро оценил положение вещей и воспользовался им:

– Видите, вы нравитесь ему. Он ваш всего за четыре цента!

Меньше месяца прошло с тех пор, как мои родители и я переселились из зеленеющего уголка Южного Онтарио в бесплодные, покрытые пылью прерии. Тогда это представлялось отчаянной авантюрой, так как даже на Востоке начиналась трудная пора, а на Западе тяжелые времена – периоды засухи и неурожая – стали уже привычными. Я не знаю, какие соображения побудили моего папу променять спокойную жизнь чиновника в Уиндзоре на весьма неустойчивое будущее библиотекаря в Саскатуне. Возможно, его неудержимо манило само название: Саскатун в Саскачеване. Может быть, он просто устал от интеллектуальной и физической ограниченности провинции, совсем закосневшей со временем.

Во всяком случае, осенью 1928 года он принял решение, с которым все мы могли только согласиться: я с легким сердцем и в радостном ожидании новизны, мама – очень сдержанно и не без мрачных пророчеств.

Всю зиму папа строил «караван» – жилой автоприцеп, который должен был везти нас на Запад. Для меня эта зима была долгой. По воскресеньям я бежал к папе под навес, где мы усердно работали молотками и пилами, а прицеп обретал форму, причем форму очень необычную. Папа мой был в душе моряком и располагал весьма скудным опытом проектирования сухопутных транспортных средств. Действительно, наш автоприцеп представлял собой некое сооружение, похожее на лодку, неуклюже взгромоздившееся на четыре тонких колеса старого автомобильного шасси от модели «Т»³. Вид у него был прямой и несгибаемый. Его стенки возносились над рамой вертикально на целых семь футов⁴ до слегка сводчатой палубы, которую мы никогда не называли крышей. Рядом с таким массивным ширококостным прицепом бедный Эрдли – наш «форд» модели «А»⁵ с открывающимся верхом – казался совсем крохотным, как буксир рядом с громоздким плавучим краном, который он тянет.

Время от времени под навес заходили папины друзья полюбоваться нашими успехами. Они никогда не говорили много, но, уходя, долго задумчиво качали головами.

Пусть наш прицеп не блистал красотой, но он был безусловно удобным. Мой папа, изобретательный строитель, оснастил каюту автоприцепа всевозможными мореходными удобствами. К нашим услугам был камбуз с примусом на шарнире – шарнир не давал ему наклоняться при качке, – лампы, тоже на шарнирах, множество запирающихся шкафчиков, хранилище для карт, на передней переборке – хронометр системы «Сэт-Томас», две роскошные койки для моих родителей и складная койка для меня. Посуда, наши многочисленные книги и прочие мелочи аккуратно и надежно укладывались в специально оборудованные шкафы так, чтобы их не раскидало даже в самую бурную погоду.

³ Легковой автомобиль фирмы «Форд» модели «Т» выпускался с 1908 по 1927 год; имел колеса с массивными спицами.

⁴ Фут равен 30,4 см.

⁵ Легковой автомобиль фирмы «Форд» модели «А» сменил на конвейере модель «Т». Моуэты путешествовали на спортивном варианте модели «А» с открывающимся верхом и задним откидным сиденьем. Двигатель в 40 л. с. развивал скорость до 80 км/ч. Автомобиль передвигался на колесах с проволочными спицами.

Нам повезло, что папа так тщательно подготовил прицеп изнутри для самого бурного плавания. Потому что, как только мы двинулись на Запад, обнаружилось, что наше судно на колесах, по меткому выражению моряков, весьма-таки валкое. Наш немислимых размеров прицеп, с его отвесными бортами, становился жертвой всех ветров. Когда бриз⁶ дул на него сбоку, прицеп сильно раскачивало, и он задумчиво выезжал на встречную полосу дороги, увлекая туда же и беднягу Эрдли. Лобовой ветер заставлял папу включать вторую скорость, но даже и тогда, чтобы тащить дальше своего норовистого подопечного, автомобилю приходилось чудовищно напрягаться и бешено плевать паром. Ветер в корму был не слаще: тогда махина прицепа старалась обогнать маленький автомобиль, а если это не удавалось, толкала Эрдли вперед со скоростью, от которой холодело мамино сердце.

В общем, для восьмилетнего мальчика это путешествие было незабываемым. По желанию я мог ехать на заднем откидном сиденье Эрдли, где тут же становился пилотом-стрелком истребителя «Кэмел»⁷; или я мог ехать в самом прицепе и вести свою одиночную ракету в открытый космос. Я предпочитал прицеп. Здесь я погружался в свой собственный мир, и мир прекрасный. Моя складная койка находилась высоко у заднего иллюминатора. Я лежал на ней, крепко пристегнувшись для защиты от отрицательной гравитации (и сильного ветра), и направлял свой космический корабль в вечной пустоте к дальним планетам, известным как Огайо, Миннесота, Висконсин, Мичиган и Северная Дакота.

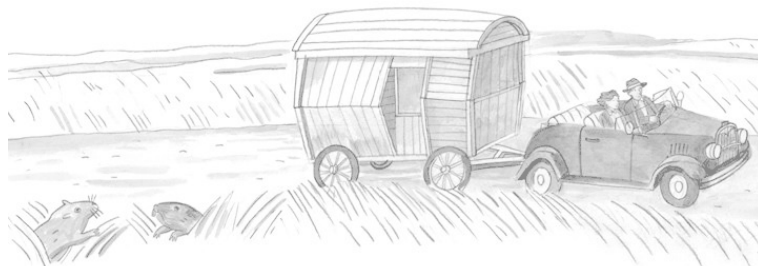
Когда мы снова въехали в Канаду вблизи маленького городка Эстеван, мне уже ни к чему было напрягать свое воображение, создавая в нем инопланетные ландшафты. В юго-восточной части Саскачевана царил страшное запустение, настоящее до жути. Уже несколько лет здесь бушевали пылевые бури, и они оставили после себя зарождающуюся пустыню. Там и сям белели остовы покинутых строений; они стояли памятниками погибшим надеждам, а отполированное ветрами дерево покосившихся изгородей торчало из наносов бесплодной пыли, которые поглощали следы человеческого труда.

Мы все были подавлены. Хотя папа упорно старался разуверить нас, говоря, что дальше на север будет куда лучше, но я не могу припомнить сколько-нибудь заметных перемен в этом лунном ландшафте. Мы пересекали опаленные солнцем просторы, пораженные засухой поля, проезжали через бесконечное множество мелких деревушек, находящихся на грани исчезновения.

К тому времени, как мы достигли Саскатуна, мама уже не скрывала своего возмущения и даже папа был несколько обескуражен. Но я был в том возрасте, когда человек не способен оставаться долго в мрачном настроении. Я понимал только одно: что эта страна не укладывается в моем воображении; здесь открываются безграничные возможности для совершенно непредвиденных приключений. Меня приводили в восхищение покрытые трещинами белесые блюдца высохших болот, пыльные купы тополей, которые по какой-то непонятной причине назывались утесами, и беспредельный горизонт. Я хорошо запомнил слова одного старика, у фермы которого мы остановились, чтобы попросить воды для горячего радиатора Эрдли.

⁶ Имеется в виду слабый ветер, дующий со скоростью 1–2 м/с.

⁷ Английский истребитель — биплан «Кэмел» Ф-1 («Верблюд») фирмы «Сопвит» времен Первой мировой войны.

– Она плоская, мальчик, – сказал он мне. – Эта страна такая плоская, что если ты встанешь на кочку у норки гофера⁸, то сможешь увидеть землю почти до самого Китая.

Я поверил ему и продолжаю верить, вопреки мнению географов, так как на тех необъятных равнинах нет предела человеческому зору.

Бесчисленные маленькие гоферы вызывали у меня острый интерес, так же как и горькая на вкус вода из редких непересохших колодцев, крупные парящие тела ястребов, которые взлетали со столбов придорожных изгородей, и вечерний плач койотов, от которого по спине бежали мурашки. Даже Саскатун, до которого мы наконец добрались, разомлевший в бессильной безнадежности у мелкой речушки, предвещал приключения. Город, основанный не более чем тридцать лет тому назад как маленький аванпост методистов, он перерос эти первоначально задуманные рамки и стал городом в тридцать тысяч жителей, приютившим верования и обычаи половины стран западного мира. Особенно духоборы, меннониты и гуттериты⁹ поражали своими названиями и были полны таинственности для мальчика из степенной англосаксонской провинции Онтарио.

Папа снял для нас дом в северной части города. Эта построенная кое-как коробка летом превращалась в печь, а зимой – в полярную станцию, но мне она стала домом, и домом, как мне казалось, замечательным. Ведь он находился на самой окраине города, а Саскатун, который вознесся над поверхностью равнины совсем недавно, не имел еще предместий. Надо было только сойти с трамвая в конце последнего ряда домов, чтобы оказаться в нетронутой прерии. Полная перемена времени и пространства происходила здесь удивительно резко. Этот скачок я мог совершать не только по субботам, но и в любой день после занятий в школе.

Если в новой жизни в Саскатуне нам чего-то и не хватало, так это собаки. Всю мою жизнь мы владели разными собаками (или, точнее сказать, они владели нами). Еще младенцем меня охраняла шотландская овчарка – колли Сэппер, которую злой сосед обварил кипятком и она от боли взбесилась. В течение последующих восьми лет в доме всегда жили другие собаки. Это продолжалось до тех пор, пока мы не переселились на Запад. Здесь мы оказались без собаки. Для мальчика отсутствие собаки лишало прерии половины их очарования.

Я начал уговаривать родителей завести собаку сразу же после приезда и нашел в папе горячего союзника, хотя собака была нужна ему для одного дела, а мне совсем для другого.

В течение многих лет он жадно впитывал в себя живописные охотничьи истории моего двоюродного дедушки Фрэнка, поселившегося в провинции Альберта в 1900 году. Фрэнк был прирожденным охотником, и в большинстве его рассказов изображалась изумительная охота, которую можно вести только на западных равнинах. Еще до того, как мы прочно обосновались в Саскатуне, папа решил проверить на практике эти чудесные истории. Он купил отличный английский дробовик, охотничью куртку, много патронов, брошюру «Закон об охоте в Саска-

⁸ Гофер – распространенный в Северной и Центральной Америке грызун, ведущий подземный образ жизни.

⁹ Духоборство – религиозное течение, отделившееся от православия; меннониты и гуттериты – последователи религиозных течений, появившихся в XVI веке как ответвления анабаптизма.

чеване» и руководство по стрельбе из охотничьего ружья дробью. Оставался один обязательный пункт: охотничья собака.

Как-то вечером он вернулся из библиотеки, ведя на поводке именно такое животное по имени Кронпринц Неутомимый. Собака была ростом с обеденный стол и, насколько мы с мамой могли судить, состояла в основном из лап и языка. Папу покорила наша неуместная веселость, и он с гордостью сообщил нам, что Кронпринц – ирландский сеттер, выращенный в питомнике, натасканный на дичь и вообще собака, которая может порадовать сердце любого знатока. Мы с мамой остались равнодушными. Может быть, сеттер и был чистокровным и обладал бесчисленным множеством кубков и лент, но, по-моему, он выглядел совершенно бесполезным созданием с одним лишь подкупающим качеством: меня приводили в восторг его бесконечные слюни. Я никогда не думал, что пес может пускать столько слюней, как это делал Кронпринц. Он не пускал слюни только тогда, когда шлепал к кухонной раковине, чтобы снова налакаться воды. Куда бы он ни шел, позади оставался мокрый и липкий след. Пожалуй, кроме слюней, в нем не было больше ничего примечательного, потому что он был просто туп.

Мама, может быть, и не заметила бы его явных недостатков, если бы не цена сеттера. На цену она не могла не обратить внимания, так как хозяин просил двести долларов, а потратить такую сумму на собаку нам было так же невозможно, как купить «кадиллак». Кронпринца увели на следующее утро, но у папы это не отбило желания продолжать попытки ввести в дом собаку.

Мои родители были достаточно давно женаты, чтобы достигнуть того тонкого равновесия сил, которое только и позволяет супругам выносить друг друга. Они оба отлично владели неуловимой тактикой семейной дипломатии, но мама была чуть более искусным политиком.

Она поняла, что появление собаки теперь неизбежно, и, когда в тот пыльный августовский день случай привел к нашей двери мальчика с уткой, как мы его потом называли, мама показала свой характер, вырвав инициативу прямо из папиных рук.

Покупая щенка у мальчика с уткой, она не только предупреждала покупку дорогой собаки, угодной моему папе, но еще сэкономила шесть центов звонкой монетой. Мама никогда не упускала случая сделать выгодную покупку.

Когда я пришел из школы, эту покупку уже приютили на кухне в картонном ящике из-под мыла. Пес выглядел довольно сомнительным приобретением даже за полцента. Маленький, тощий, весь в засохших коровьих лепешках, он близоруко тарасился на меня. Но когда я опустился возле него на колени и протянул к нему руку, он приподнялся и вонзил свои щенячьи зубки в мой большой палец с таким блаженством, что все сомнения испарились. Я понял, что мы поладим.

Реакция папы была другой.

Он вернулся домой в шесть часов и еще с порога начал рассыпаться в похвалах спрингер-спаниелю, которого только что видел. Сперва он даже не услышал маминых слов о том, что у нас уже есть собака, а две – это уже многовато.

Наконец он узрел щенка и возмутился; но ловушка была хорошо расставлена, и не успел он прийти в себя, как мама перешла в наступление.

– Дорогой, разве он не прелесть? – спросила она ласково. – И так дешево. Знаешь ли, я фактически сэкономила тебе сто девяносто девять долларов и девяносто шесть центов. Достаточно, чтобы уплатить за все твоё снаряжение и за то дорогое новое ружье, которое ты приобрел.

Папа уже вошел в раж и быстро пришел в себя. Пренебрежительно указав на щенка и взвизгнув от раздражения, он ответил:

– Но, черт побери, эта, эта штука – не охотничья собака!

У мамы и тут был готов ответ.

– Откуда ты знаешь, дорогой, – спросила она мягко, – если ты еще не испытал его?

Что тут можно было возразить? Предсказать, что вырастет из щенка, было так же невозможно, как разгадать его родословную. Папа обратился за поддержкой ко мне, но я отвел глаза. Он понял, что его перехитрили.

Папа воспринял поражение с присущей ему выдержкой. Я и сейчас отчетливо, с восхищением вспоминаю, что он сказал всего три дня спустя своим друзьям, которые зашли к нам вечером пропустить по стаканчику. Щенок, относительно чистый и уже начинающий понемногу становиться упитанным, был представлен гостям.

– Он из-за границы, – скромно объяснил папа. – Насколько я понимаю, здесь, на Западе, он единственный экземпляр своей породы: ретривер¹⁰ принца Альберта. Изумительная порода для охоты на равнине.

Не желая признаться в своем невежестве, гости сделали вид, будто что-то припоминают.

– Как его зовут? – спросил один из мужчин. Папа еще не придумал ответа, и я его опередил.

– Я зову его Матт, – выпалил я. Молниеносный взгляд папы потряс меня.

Папа повернулся ко мне спиной и доверительно улыбнулся гостям.

– С этими чистокровными нужна осторожность, – пояснил он. – Им незачем знать свои клубные клички. Лучше давать им простые мещанские имена вроде Рекс, или Малыш, или, – и тут он слегка осекся, – или даже Матт.

¹⁰ Ретривер (от англ. retrieve – возвращать) – тип охотничьих собак, чья задача – найти и принести охотнику убитую дичь или подранков.

Глава 2

Ранняя пора

За первые несколько недель, проведенных с нами, Матт поразил всех зрелостью ума. Он никогда не вел себя по-щенячьи, по крайней мере с того момента, как попал к нам. Может быть, он преждевременно повзрослел из-за испытаний с утятами; может быть, он от рождения обладал умом взрослого. В любом случае пес решительно воздерживался от обычных щенячьих шалостей. Он не оставлял ни покалеченных шлепанцев, ни порванной обивки кресел, ни пятен на коврах. Он не вел притворно свирепой войны с босыми ногами и не превращал ночь в кошмар, когда его оставляли одного в темной кухне. С первого же дня его появления в нашей семье он отличался чувством собственного достоинства, твердостью характера и сдержанностью. Он воспринимал жизнь всерьез и ожидал того же от нас.

И он не поддавался воспитанию. Характер у него был твердым, по-видимому, еще до нашего знакомства, не изменился он и в дальнейшем.

Я подозреваю, что в какой-то ранний момент своего существования он решил, что у собаки в этом мире нет будущего. И поэтому с упорством, которым отличался каждый его поступок, он задался целью стать чем-то еще. Подсознательно он вообще не считал себя собакой, однако, в отличие от многих глупых псов, не ощущал себя и человеком. Впрочем, он терпимо относился и к тем и другим.

Не только по поведению, но и внешне он был ни на кого не похож. По величине Матт ненамного уступал сеттеру, однако во всех других отношениях был очень далек от любой известной породы. Задняя часть его тела была на несколько дюймов выше передней, причем его сильно заносило вправо, и поэтому, когда он приближался, создавалось впечатление, что его сносит ветром градусов на тридцать от намеченного курса. Одновременно возникало жутковатое сходство с подводной лодкой, идущей на срочное погружение. Малоознакомому с ним человеку бывало трудно сообразить, куда он направляется или что его интересует в данный момент. Глаза его не давали разгадки: они были посажены так близко, что он выглядел, а может быть, и действительно был немного косоглазым. Этот обманчивый вид имел свои преимущества, так как гоферам и кошкам редко удавалось угадать, куда же пес нацелился. Жертвы слишком поздно обнаруживали, что мчится-то он именно на них.

Еще большее недоумение вызывало то обстоятельство, что его задние ноги двигались медленнее, чем передние. Теоретически это удавалось объяснить тем, что задние ноги были намного длиннее, но после такого объяснения все же не исчезало тревожное впечатление, что передняя часть тела Матта медленно и неумолимо отрывается от запаздывающей задней.

И все же, несмотря ни на что, во внешности Матта была своеобразная привлекательность. У него была красивая, шелковистая черная с белыми пятнами шерсть, лежащая роскошными «штанами» на лапах, и длинный, гибкий и выразительный хвост. Хотя уши у него были довольно большими и обвислыми, зато лоб – высоким и крутым. Черная маска покрывала всю морду, за исключением носа картошкой. Нос был чисто-белым. Матт не был красавцем, но в его карикатурности было то же чувство собственного достоинства, каким отличались Авраам Линкольн и герцог Веллингтон.

Кроме того, Матт умел так себя поставить, что приводил посторонних в замешательство. Он был так убежден в том, что он не просто собака, что ему каким-то непостижимым образом удавалось убедить в этом окружающих.

В один ужасно холодный день в январе мама пошла в город сделать несколько после рождественских покупок, и Матт сопровождал ее. Она оставила его на улице перед универсамом Компании Гудзонова залива. С первых месяцев Матт очень явно проявлял свои твердые

предубеждения, в частности, он терпеть не мог этой знаменитой Компании джентльменов – искателей приключений. Мама находилась в универмаге без малого час, и все это время покинутый на тротуаре Матт дрожал на ветру.

Когда мама наконец появилась, Матт уже позабыл, что добровольно остался на улице, и затаил обиду на предумышленное равнодушие к его особе. Он решил выразить свое неудовольствие, а когда он дулся, его было не сдвинуть с места. Что бы мама ни говорила, его невозможно было упротить встать с холодного бетона и проводить ее домой. Мама умоляла. Матт не обращал на нее никакого внимания и сосредоточенно смотрел на запотевшие окна кафе «Звезда» на противоположной стороне улицы.

Ни он, ни она не обращали внимания на кучку зрителей, собравшихся вокруг них. Тут были трое духоборов в их причудливых зимних одеяниях, полисмен в куртке на бизоньем меху и зубной врач из соседней поликлиники. Невзирая на холод, эти прохожие стояли и с возрастающим интересом наблюдали, как мама приказывает, а Матт решительно отказывается слушаться, утробно ворча и слегка обнажив верхние зубы. Оба начинали раздражаться, и тон их восклицаний становился все более резким.

Именно в этот момент дантист утратил ощущение реальности. Он шагнул вперед и обратился к Матту как мужчина к мужчине.

– Послушай, старина, будь благоразумен! – сказал он укоризненно.

Матт ответил глухим презрительным ворчанием, и это окончательно вывело из равновесия полисмена.

– Что здесь происходит? – спросил он.

Мама объяснила:

– Он не хочет идти домой. Не хочет, и все!

Полисмен был человеком действия. Рукой в варежке он помахал перед носом Матта.

– Ты что, не видишь, что даме холодно? – спросил он строго.

Матт закатил глаза и зевнул. Полисмен потерял самообладание.

– Послушай-ка, – закричал он, – ты сейчас же пойдешь домой, или, клянусь, я тебя арестую!

К счастью, в этот момент папа и Эрдли проезжали мимо. Папа и раньше уже бывал свидетелем подобных перепалок между Маттом и мамой; он сразу же принял решительные меры: схватил обоих в охапку и затолкал на переднее сиденье Эрдли. Папа не мешкал, так как не имел ни малейшего желания быть свидетелем реакции рослого полисмена и почтенного дантиста, когда они осознают, что всерьез спорили на людной улице с собакой.

Спорить с Маттом было почти всегда бесполезно. С возрастом он стал более голосистым и еще более упрямым. Когда его просили сделать что-то, чего ему не хотелось делать, он начинал ворчать. Если настаивали – ворчание усиливалось и звучало то громче, то глуше. Это было не рычание, и в нем не было ничего грозного. Это было ни на что не похожее упрямое гудение.

Случилось так, что в ту первую зиму на Западе папа писал роман и моментально раздражался, когда ему мешали во время работы над рукописью.

Однажды вечером он сидел в гостиной, сгорбившись над портативной пишущей машинкой. Его лицо вытянулось и осунулось от сосредоточенности, но на бумаге мало что появлялось. При виде знакомых симптомов мама и я благоразумно перебрались на кухню, а Матт остался спать в гостиной у пылавшего камина.

Матт не умел спать беззвучно. Он храпел с особым присвистом, а так как сны ему виделись бурные, то, когда он мчался по воображаемой прерии в погоне за кроликом, всхрапывание у него часто перемежалось пронзительным тьяканьем.

В тот вечер ему, должно быть, повезло. Возможно, он преследовал старого или больного кролика, а может быть, кролик поскользнулся и упал. Во всяком случае, Матт нагнал кролика, схватил его, и в гостиной тут же разразилась страшная сцена.

Творческое настроение папы было грубо нарушено. Он взревел, и Матт, вырванный из сна как раз в момент победы, был явно недоволен.

– Убирайся, несносная тварь! – заорал отец.

Матт приподнял верхнюю губу и приготовился спорить.

Папа был вне себя:

– Я сказал: вон, ты, живая молотилка!

Упрямое ворчание Матта сразу же стало громче. Мы с мамой на кухне вздрогнули, предчувствуя неприятности, и молча посмотрели друг на друга. Звук разбитого стекла подтвердил наши опасения, когда увесистый том энциклопедии грохнулся в стену столовой, пролетев сквозь стеклянную дверь. Матт появился на кухне почти одновременно с этим звуком. Даже не взглянув в нашу сторону, он с шумом скатился по лестнице в погреб, всем своим видом выражая негодование.

Папа тут же раскаялся. Он поспешил за Маттом в погреб, и мы слышали, как он извинялся, но безрезультатно. Три долгих дня Матт просто не замечал папу. Применение силы вместо убеждения было, по мнению Матта, смертным грехом.

Очень рано у нашего пса развилась еще одна несносная привычка, от которой он так и не избавился. Когда упрямое ворчание не помогало уклониться от исполнения какой-нибудь неприятной обязанности, он притворялся глухим. Иногда я терял самообладание и, наклонившись так, чтобы поднять одно из его длинных ушей, кричал ему мои приказания голосом валькирии. Но Матт поворачивал ко мне свою морду с таким выражением, что казалось, он вот-вот вежливо, с несносным спокойствием спросит: «Извините. Вы что-то сказали?»

Мы не могли предпринять никаких мер, чтобы излечить Матта от раздражающей нас привычки, так как точно такая же привычка была у моего дедушки со стороны папы, который иногда навещал нас. Дедушка бывал абсолютно глух ко всему, что требовало с его стороны каких-нибудь усилий. Однако он мог слышать и среагировать на слово «виски», даже если

бы его произнесли шепотом в запертой спальне тремя этажами выше того уютного кресла, в котором он обычно сидел.

Читателю уже ясно, что с такой собакой, как Матт, жить было нелегко. Но непреклонность, из-за которой с ним было так трудно справляться, в еще большей степени затрудняла, а иногда делала фактически невозможным его собственное общение с окружающим миром. Упрямство на всю жизнь обрекло его на трагикомическую роль. Но, к несчастью, его борьба с капризницей судьбой не была только его личной борьбой. Она неизбежно вовлекала и тех, кто его окружал, причем часто это вело к катастрофическим последствиям.

Где бы Матт ни проходил, он оставлял по себе неизгладимые воспоминания, то сопровождавшиеся вскриками негодования, то покрытые пеленой почти полного безумия. В нем сидел дух Дон Кихота. Вот в такой атмосфере моя семья и я жили более десяти лет.

Глава 3

Тоска сизая

Пожалуй, самое страшное унижение, какое Матту пришлось претерпеть от нас, было связано с любовью моего папы к английскому языку. Библиотекарь, писатель, начитанный человек, папа был воинствующим защитником святости письменного и устного слова, и, когда он сталкивался с неправильным употреблением слов, возмущение его не знало границ.

Но поскольку североамериканцы говорят именно так, как и положено говорить североамериканцам, у папы частенько были все основания гневаться. Один раз я сам видел, как он с презрением отвернулся от представителя так называемой новой аристократии, известного бизнесмена, услышав, что бедняга собирается «занемедлить» выпуск нового продукта. Папа считал, что такого рода бессмыслица непростительна. А уж когда дело касалось жаргона рекламщиков, у папы просто не находилось слов.

Он испытывал к рекламному стилю такую неприязнь, что популярные журналы редко допускались в наш дом. Маму отсутствие этих журналов огорчало; но вы не можете себе представить, какие неприятности обрушивались на наши головы, если папа случайно обнаруживал экземпляр журнала «Друг женщин», спрятанный за диванными подушками в гостиной. Потрясающая возмутительной книжицей, папа разражался обвинительной речью и осыпал своих невольных слушателей целым градом язвительных предсказаний о том, что грозит миру, допускающему такое поругание святая святых.

Такие случаи бывали, к счастью, редки, но время от времени, когда один из нас забывал об осторожности, это повторялось. Именно в результате одного такого инцидента на Матта обрушилась «сизая тоска». Все началось весенним вечером, на второй год жизни Матта. К маме приходили на чай подруги, и одна из дам принесла популярный журнал для женщин, а потом не потрудились унести его с собой.

В тот вечер папа был не в своей тарелке. Он забыл захватить из библиотеки очередную охапку книг. Предаться своему любимому вечернему занятию он также не мог. Папа любил дергать сорняки в садике за домом, но сегодня москиты были слишком назойливы. Он остался в доме и бесцельно слонялся по гостиной, пока у мамы не лопнуло терпение.

– Ради бога, перестань топать, – сказала она наконец. – Сядь и почитай журнал. Он там, на столе, у моего стула.

Мама, должно быть, была полностью поглощена вязаньем, когда говорила это. Она редко бывала так несообразительна.

Из моей спальни, где я писал сочинение по Шамплону¹¹, я слышал ее слова, но не обратил на них должного внимания. Матт, который спал у меня в ногах и видел сны, совсем ничего не слышал. Никто из нас не ожидал того отчаянного вопля, который в следующее мгновение огласил весь дом. Папин голос, достойный строевого командира, вгонял в оторопь даже тогда, когда, как в этот раз, сами слова вообще было невозможно понять.

– Что же, черт побери, могут сказать соседи, когда они видят в нашем доме грязное исподнее? – прогремел он.

Матт вскочил так внезапно, что больно стукнулся головой о крышку стола. Шамплен вылетел у меня из головы, и я судорожно стал вспоминать какой-нибудь свой проступок, связанный с бельем. Затем мы услышали успокаивающий, миролюбивый голос мамы, пытавшейся

¹¹ Самюэль Шамплен (1567–1635) – французский географ, путешественник, исследователь Канады и Северо-Востока США.

все уладить. Мой пульс снова стал нормальным, и, подгоняемый любопытством, я вышел в холл, чтобы заглянуть в дверь гостиной.

Папа мерил комнату, вышагивая как сержант-майор, и размахивал перед собой раскрытым журналом. Я мельком увидел красочную, во всю страницу рекламу, на которой была изображена невыразимо грязная пара кальсон, как позорный флаг развевающаяся на бельево-й веревке. Через всю страницу крупными красными буквами шло убийственно оскорбительное обвинение:

ЭТО, МОЖЕТ БЫТЬ, ВАШИ!

Мама сидела на стуле мирно, но губы поджала.

– Послушай, Ангус! – сказала она. – Возьми себя в руки! Ведь каждый хочет жить, а если эта компания не может иначе продать свою синьку для белья, то как же ей быть?

Папа ответил язвительным и, на мой взгляд, подходящим советом, но мама пропустила его замечание мимо ушей.

– Возможно, это немножко вульгарно, – продолжала она, – но реклама должна бросаться в глаза читателю, вот она и бросается. Разве не так?

Уж кому-кому, а папе реклама заскочила в глаза.

– Ну вот видишь, – закончила мама торжествуя. Такими словами она всегда завершала свои доводы.

На следующее утро журнал бросили в мусоросжигатель, и мы с мамой подумали, что вопрос исчерпан. Мы ошибались, ибо не знали законов работы подсознания. Мы не догадывались, что где-то там, в самой глубине, этот случай все еще бережит папину душу.

Лето шло, болота снова пересохла, покрылись белым налетом, молодые хлеба повяли и сгорели – наступил сезон засухи. В обжигающем воздухе постоянно висел слой пыли, и мы избавлялись от ее песчаного прикосновения, только когда сбрасывали одежду и шли окунуться в ванну. Матт был лишен такого облегчения. Его длинная шерсть впитывала и удерживала пыль до тех пор, пока не спутывалась в колтун и не меняла свою обычную окраску на желто-шафранный цвет, но в ту раннюю пору, чтобы избавиться от страдания, он еще не научился добровольно залезать в воду.

Пес был истинным порождением засухи. Думаю, в первые месяцы жизни он видел так мало воды, что имел право относиться к ней подозрительно. Во всяком случае, он шаркался от любого количества воды так же, как индейская лошадка шарахается от гремучей змеи. Когда мы решались искупать его насильно, он не только сопротивлялся и притворялся глухим, но, если ему удавалось от нас вырваться, заползал под гараж и сидел там без пищи и питья, пока мы не сдавались и не заверяли его клятвенно, что купания не будет.

Не менее трудно было составить план, как заманить ничего не подозревающего Матта в подвал, где уже наготове стояли лоханки. Эта проблема требовала каждый раз новых уловок, ибо Матт ничего не забывал, а подозрения насчет купания возникали мгновенно. Однажды для этого мы запустили в подвал живого гофера и затем, якобы неожиданно обнаружив зверька, позвали Матта, чтобы он его поймал. Но этот гениальный прием сработал только один раз.

Само купание бывало тяжелым испытанием для всех, кто принимал в нем участие. Во время первых попыток на нас были дождевики, зюйдвестки и резиновые сапоги, но толку от них было мало. Позднее мы стали раздеваться до трусов. Матт никогда не сдавался и ни перед чем не останавливался, чтобы оставить лоханку и нас в дураках. Однажды он вырвал у меня из рук лигроиновое мыло¹² и проглотил его – не знаю, случайно или из упрямства. Почти сразу же у него изо рта пошла пена, мы прервали купание и вызвали ветеринара.

¹² Лигроиновое мыло рекламировалось как универсальное средство для стирки, выведения пятен, мытья посуды, пола и мебели. Содержало лигроин, продукт переработки нефти.

Ветеринар был человек средних лет, лишенный воображения. Его практика в основном сводилась к лечению фурункулов у лошадей и затвердения вымени у коров. Ветеринар отказался поверить, что Матт добровольно проглотил мыло, и ушел раздраженный. Матт, воспользовавшись перепалкой, исчез. Вернулся он через сутки осунувшийся, слабый – убедительное доказательство рвотного действия лигроинового мыла.

Решение выкупать Матта всегда было сложно принять, и мы старались откладывать это мероприятие как можно дольше. Его уже давно пора было купать, когда в конце июля я уехал на несколько дней к приятелю на озеро Маниту.

Мне очень понравилось Маниту, которое считается одним из самых соленых озер Запада. Мой друг и я целыми днями пытались в нем поплавать, но вода была настолько соленой, что нам никак не удавалось ни погрузиться достаточно глубоко, ни добиться равновесия, а потом на солнце соль вызывала болезненные ожоги и сильный зуд.

В понедельник утром в беззаботном и радостном настроении я вернулся в Саскатун. Я подошел к дому по главной дорожке, высвистывая Матта: у меня был для него подарок – мертвый гофер, которого только что мы подобрали на обратном пути. Матт не ответил на мой свист. Немного обеспокоенный, я толкнул входную дверь и увидел маму, которая сидела на диване с выражением глубокого страдания на лице. При моем появлении она встала и судорожно прижала меня к своей груди.

– О дорогой, – воскликнула она, – твоя бедная, бедная собака! О твоя бедная собака!

Меня охватил смертельный страх. Я застыл в ее объятиях.

– Что с ним? – потребовал я ответа. Мама отпустила меня и посмотрела мне в глаза.

– Крепись, дорогой, – сказала она. – Ты лучше сам погляди на него. Он под гаражом.

Я уже бежал.

Пространство под гаражом было личным убежищем Матта, так как туда можно было попасть только через узкий лаз. Я встал на четвереньки и заглянул в нору. Когда глаза привыкли к темноте, мне удалось различить нечто похожее на Матта. Он свернулся клубком в самом дальнем углу, наполовину прикрыв голову хвостом, и угрюмо сверкал из мрака одним глазом. Я понял, что его не покалечило серьезно, и с облегчением приказал ему вылезти.

Он не шелохнулся.

В конце концов мне самому пришлось ползти в берлогу и, применив грубую силу, тянуть его наружу за хвост. На свету вид моего Матта так поразил меня, что я выпустил его хвост, и пес снова мигом исчез в своем укрытии.

Матт больше не был собакой черной с белым или даже черной с желтым. Он был ярко-черным с синим. Те участки его шкуры, которые когда-то были белыми, светились теперь неземным ультрамариновым цветом. Впечатление было ужасным, особенно от головы, так как даже нос и морда у него посинели.

Перевоплощение Матта произошло в тот самый день, когда я уехал на озеро Маниту. Он был раздражен и недоволен тем, что его оставили дома, и всю вторую половину дня дулся. Когда пес увидел, что никто не жалеет его, как он того заслуживает, он убежал и пропадал до вечера. Его возвращение было примечательным.

Где-то в прерии восточнее города он нашел чем отомстить человечеству – дохлую лошадь в степени разложения как раз подходящей для того, чтобы в ней вывалиться. Матт проделал задуманное очень старательно.

Домой он явился в самом начале десятого – несомненно, он рассчитывал, что сможет незаметным образом пробраться в свое убежище под покровом сумерек. Матта захватили врасплох: из засады на него прыгнул папа. Пес сделал отчаянный рывок и убежал на короткое время. Его сцапали на заднем дворе и, невзирая на горькие вопли, приволокли наконец в подвал. Двери закрыли, заперли на ключ, а в лоханках приготовили воду.

Папа никогда не испытывал желания описать сколько-нибудь подробно то, что затем произошло, но мама, хотя сама она не спускалась в подвал, смогла рассказать мне все достаточно красочно. Битва, наверное, была эпического размаха. Она длилась почти три часа, и ее звуки и ароматы достигали маминых ушей и носа через вентиляционные отдушины без заметных искажений. По ее словам, к концу второго часа и папа, и Матт охрипли и умолкли, но звуки воды, шумно перекачивавшейся по полу, ясно говорили о том, что борьба еще продолжается.

Лишь близко к полуночи папа, один, появился на верхней площадке лестницы, ведущей из подвала. Он был раздет догола и близок к изнеможению. Глотнув спиртного и приняв ванну, он пошел спать, не сказав маме и слова о тех ужасах, которые он пережил в подвале на залитом водой поле битвы.

Остаток ночи Матт провел на улице под парадным крыльцом. Очевидно, он был слишком измотан, чтобы тут же дать выход своему раздражению и отправиться к дохлой лошади. Хотя, может быть, он приберег это удовольствие на утро.

Но когда наступил рассвет, то даже соблазнительной дохлой лошади не удалось заставить Матта нарушить заведенный утренний распорядок.

Уже давно и регулярно, в часы между рассветом и завтраком, он обегал все переулки и задворки по соседству. У него был разработан маршрут, от которого он отступал только в исключительных случаях. Были определенные мусорные баки, которые он никогда не пропускал, была, конечно, уйма привлекательных телефонных столбов, которыми нельзя было пренебречь. Путь Матта обычно пролегал по проулку между Девятой и Десятой авеню, оттуда до нового моста, затем на задворки ресторанов и бакалейных лавок у Пяти углов. Повернув к дому, он следовал по главной улице, инспектируя по пути пожарные колонки. К тому времени, когда он двигался домой, на улицах бывало много народу, направлявшегося за реку к месту работы. В то памятное утро ничто не предвещало беды, пока Матт не примкнул к толпе рабочих, шагавших в южную часть города.

Не было никаких предчувствий и у мамы до тех пор, пока без четверти восемь не зазвонил телефон. Мама взяла трубку, и сердитый женский голос прокричал ей в ухо:

– Вас следовало бы посадить в тюрьму! Вы почувствуете, так ли это приятно, когда я напущу на вас закон!

На том конце провода трубка с треском опустилась на рычаг, и мама вернулась к приготовлению завтрака. Рано утром она всегда бывала флегматичной и потому решила, что эта

гневная тирада прозвучала просто не по тому номеру телефона. Мама даже улыбалась, когда за завтраком рассказывала об этом папе. И когда приехала полиция, она все еще улыбалась.

Прибыли два полисмена, симпатичные и вежливые. Один из них объяснил, что какой-то чудак позвонил в полицейский участок и сообщил, что Моуэты выкрасили свою собаку. Полисмены были смущены и поспешили объяснить, что закон обязывает проверять все жалобы, какими бы странными они ни казались. Если мама заверит их, ради пустой формальности, что ее собака все еще имеет свою естественную окраску, они охотно откланяются. Мама сразу же заверила их, что все так и есть, но, чувствуя себя озадаченной, поспешила в столовую сообщить об этом папе.

Но папа исчез. Он даже не допил своего утреннего кофе. Ворчание и фырканье Эрдли в переулке за домом говорило о том, что он спешно уезжает.

Мама пожала плечами и стала убирать посуду. В этот момент Матт начал царапаться в дверь с сеткой от москитов. Мама пошла его впустить.

Матт просеменил в дом с самым страдальческим видом, низко опустив голову. На людной улице ему, должно быть, пришлось очень худо. Он тут же юркнул в мою комнату и исчез под кроватью.

Папа еще не доехал до места работы, когда мама позвонила в библиотеку. В результате на работе его встретило взволнованное и строгое мамино распоряжение: немедленно вернуться домой. Затем вызвали ветеринара.

К несчастью, это был тот же человек, который приезжал, когда Матт съел лигроиновое мыло. Ветеринар явился уже с выражением подозрительности во взгляде.

Мама встретила его на пороге и поспешно провела в спальню. Затем они вдвоем попытались убедить Матта вылезти из-под кровати. Матт уперся. В конце концов ветеринару пришлось ползти к собаке под кровать, но проделал он это очень неуклюже.

Когда он вылез, то, казалось, лишился дара речи. Мама истолковала его молчание как признак опасного состояния собаки. Она попросила доктора скорее назвать болезнь. Она совсем не была готова к тому бурному потоку слов, которым доктор разразился в ее адрес. Он отбросил всю профессиональную этику и, когда покидал наш дом, горестно клялся, что бросит ветеринарию и вернется на пшеничную ферму, где родился. Доктор был так зол, что совершенно забыл о гонораре.

Для одного утра мама натерпелась вполне достаточно и была уже на пределе, когда несколько минут спустя с черного хода осторожно появился папа. У него был почти такой же жалкий вид, как у Матта. Он увидел выражение маминых глаз и попытался опередить ее.

– Клянусь, я даже не предполагал, что это произведет такой эффект, – поспешил объяснить он. – Все это, конечно, отмоется? – В его голосе звучала мольба.

Маму наконец-то озарило запоздалое прозрение относительно всего случившегося с Маттом. Она устремила на папу самый уничтожающий взгляд, на какой только была способна.

– Что отмоется? – спросила она повелительным голосом, не оставив папе даже щелки для дальнейших уверток.

– Синька, – робко ответил папа.

Не удивительно, что к моменту моего возвращения мама чувствовала себя несчастной. В течение трех дней телефон звонил почти непрерывно. Некоторые из звонивших были общительны – терпеть их было труднее всего. Другие были настроены мстительно. К счастью, репортеры газеты «Саскатун Стар Феникс» были друзьями моего папы и с удивительным самообладанием отказали себе в возможности широко использовать эту забавную тему на страницах издания. Тем не менее едва ли в Саскатуне остался хоть один человек, который не знал бы и не имел бы собственного мнения о Моуэтах и их ярко-синей собаке.

Когда я пришел домой, папа уже болезненно вздрагивал от одного упоминания о случившемся, и было опасно выпытывать у него подробности. Но я все-таки рискнул спросить его, сколько синьки он использовал.

– Всего-то горсточку, – ответил он сухо. – Только чтобы убрать эту проклятую желтизну из его шерсти!

Уж не знаю, сколько именно вмещала эта «горсточка», но зато знаю, что, когда несколько дней спустя мама попросила меня прочистить засорившийся водослив в подвале, я извлек из трубы комков бумажных оберток не менее чем от десяти кубиков синьки. Конечно, они могли лежать там уже давно.

Глава 4

Стая уток

Осенью того же года мы с папой начали готовиться к нашему первому охотничьему сезону на Западе. Время перед открытием сезона было полно для меня больших волнений и ожидания, а школа казалась почти невыносимой пыткой. Ночи стали холоднее. В предрассветные сумерки я внезапно просыпался и, лежа в постели, с учащенно бьющимся сердцем прислушивался к величавым голосам первых гусиных стай, тянувшихся на юг. На кровати у себя под боком я держал свое ружье – маленькое, двадцатого калибра (первый в моей жизни дробовик). В гулкой темноте я поднимал его к плечу, потолок и крыша исчезали, и дуло ружья следовало за небесными путешественниками.

Папа был возбужден еще сильнее. Каждый вечер он вынимал из чехла свое ружье, заботливо полировал сверкающее ложе из орехового дерева, вытаскивал патроны и снова укладывал их в коробки. Мама обычно сидела и глядела на него с терпеливым выражением, которое кого угодно может вывести из себя и которое женщины умеют превращать в грозное оружие против своих спутников жизни. Матт, напротив, полностью игнорировал наши приготовления, и ему уже было от них так тошно, что он стал проводить вечера вне дома. Отсутствие у собаки всякого интереса к ружьям, манкам, патронам и одежде для охоты вызывало у папы презрение, зато он мог быть доволен, что его первоначальная оценка Матта оказалась верна.

– Нам придется охотиться без собаки, Фарли, – угрюмо сказал он мне однажды вечером. Мама, которой на самом деле было адресовано это замечание, попалась на удочку.

– Ерунда, – возразила она. – У вас есть Матт – вам надо только потренировать его.

Папа иронически фыркнул:

– Матт! Нам нужна собака для охоты на птицу, а не собака с птичьими мозгами.

Меня кольнул намек на умственные способности Матта.

– Я думаю, где-нибудь в нем все-таки скрывается охотник на птицу, – заметил я. – Посмотри, какая у него длинная шерсть на лапах – прямо как у настоящего английского сеттера.

Папа бросил на меня серьезный взгляд и позвал в гараж. Когда мы вошли в это убежище, он запер дверь.

– Ты снова идешь на поводу у мамы, – бросил он мне обвинение тоном, который подчеркивал всю серьезность моего нарушения мужской верности.

– Не то чтобы на поводу, – оправдывался я. – Мама сказала только, что нам следовало бы испытать пса и он, может быть, стал бы приносить нам какую-то пользу.

Папа взглянул на меня с сожалением.

– Ты не понял главного, – объяснил он. – Ты теперь достаточно взрослый, чтобы понять, что никогда не стоит давать женщине возможность доказать, что она права. Не стоит давать ей ни малейшего шанса доказать это. Матт остается дома.

Папина логика показалась мне странной, но я не стал спорить. Так что в этот первый сезон мы бродили по полям и озерам без собаки. Возможно, тогда это было к лучшему. Самому папе и мне предстояло еще многому научиться, а процесс обучения охоте оказался бы невероятно сложным, попытайся мы одновременно натаскивать собаку.

В день открытия охоты мы с папой были на ногах задолго до рассвета (в ту ночь мы по-настоящему и не ложились). Погрузив ружья и все наше снаряжение на откидное сиденье Эрдли, мы покатали сквозь сумрачную пустоту спящего города на широкую равнину. Чуть брезжило, когда мы уже неслись по прямым грунтовыми дорогам и за кормой Эрдли клубилась пыль, кроваво-красная в рассеянном свете задних фонарей. Случайные зайцы делали гигант-

ские прыжки в конусах света фар или мчались рядом с нами по придорожным кюветам, похожие на призрачных верховых, сопровождающих наш маленький автомобиль.

Поля по обе стороны дороги были уже давно сжаты, зерно обмолочено. Теперь жнивье при зарождающемся рассвете стояло мертвенно-бледное, неживое, седое, как щетина старика. Тонкие, почти невидимые линии оград и колючей проволоки тянулись до самого горизонта, сплошную линию которого нарушали только неясные контуры элеваторов в невидимых деревушках где-то там, на краю света. Время от времени мы пролетали мимо группы тополей, сохранивших только отдельные пятна уже обреченных желтых листьев. Изредка попадалась хижина фермера – обшитая горбылем, серая, источенная пыльными бурями и сильными зимними ветрами.

Наверное, это был унылый пейзаж, но во мне он пробуждал ощущение бесконечной свободы и раскованности, которое не понять тем, кто живет на востоке в уюте и довольстве. Мы не замечали уродств, не ощущали гнета запустения. В восторге мы смотрели, как солнце выплывает из-за горизонта, а дымка от рассеивающихся облаков пыли переливается в изумительном и щедром потоке света.

После того памятного утра мне доводилось любоваться восходом солнца в прерии много раз, но желание видеть это чудо снова и снова неутолимо.

Наконец мы повернули на восток. Теперь лучи солнца били нам в глаза. Маленький Эрдли выбрасывал из-под танцующих колес клубы пыли. Настало утро. Я не мог дольше сдерживать своего нетерпения.

– Где искать птиц? – спросил я. Папа встретил мой вопрос напускной небрежностью. Почти целый год он лихорадочно собирал сведения об охоте на птицу. Он прочитал множество книг, побеседовал с двумя десятками старых охотников и уже считал себя специалистом.

– Это зависит от того, на каких птиц охотишься, – объяснил он. – Раз охота на тетерева еще не открыта, мы ищем гуннов, – он небрежно использовал это жаргонное обозначение венгерской куропатки, – а гунны любят выбираться на рассвете на дороги клевать гальку. Мы можем увидеть их в любой момент.

Я поразмыслил над сказанным.

– На этих дорогах нет никакой гальки, только пыль, – сказал я, как мне казалось, с убедительной логикой.

– Конечно, здесь нет никакой гальки, – ответил папа резко. – «Клевать гальку» – такое выражение. В данном случае это, безусловно, означает купаться в пыли. А теперь прикуси язык и смотри в оба.

Над этим подумать я не успел, так как в следующий миг папа резко нажал на тормоза, Эрдли пронзительно взвизгнул, затрясся и остановился.

– Вот они! – зашептал папа горячо. – Ты оставайся у машины. Я подкрадусь по канаве и спугну их на тебя.

Было уже совсем светло, но, сколько я ни напрягал зрение, мне удалось лишь мельком заметить несколько сероватых силуэтов, суевившихся в придорожной канаве ярдах¹³ в сорока впереди. Тем не менее я зарядил свое ружье и, в невероятном возбуждении выскользнув из автомобиля, сжавшись в комок, замер у переднего крыла. Папа уже двинулся по канаве с ружьем под мышкой и, маскируясь, почти зарылся лицом в сухую траву. Вскоре он исчез из виду, и некоторое время передо мной все было неподвижно, кроме одинокого гофера, который высунул голову у столба ограды и насмешливо свистнул.

Мне казалось, что папы нет уже целую вечность, но в тот момент я не знал, что он впервые познакомился с перекасти-полем. Это ужасный сорняк. Его высохшие и колючие стебли каждую осень перекатываются по равнине на расстояние многих миль, сбиваясь в непроходи-

¹³ В ярде 91,4 см.

мые клубки за заборами или в глубоких придорожных канавах. В тот год был очень большой урожай на перекасти-поле, и канава, по которой папа пробирался, была забита им.

Папа испытывал ужасные страдания, но продолжал двигаться, затем внезапно выскочил из канавы, прицелился в шумную стаю вспорхнувших птиц и случайно выстрелил сразу из двух стволов. Тут же он снова исчез, так как двойная отдача дробовика двенадцатого калибра равносильна мощному удару в челюсть справа.

Как папа и предсказывал, гунны полетели прямо на меня. Я был так возбужден, что забыл спустить предохранитель, но это оказалось даже к лучшему. Когда птицы пролетали над головой, я увидел, что это просто совершенно прелестная стая луговых жаворонков.

Немного погодя папа возвратился к автомобилю, и мы двинулись дальше. Он правил одной рукой, а другой отдирает от лица колючки. Я молчал, чувствуя, что так безопаснее.

Тем не менее наш первый день на охоте все-таки прошел не безрезультатно. К вечеру мы обнаружили птичий выводок, и папа с тридцати ярдов убил двух птиц великолепным дуплетом. Мы очень гордились собой, возвращаясь к дому. А разгружая автомобиль, папа увидел, что к нам подходит один из соседей – между прочим, опытный охотник, – и с гордостью поднял связку птиц.

Это произвело впечатление. Сосед стремительно бросился к автомобилю и, вырвав птиц у моего отца, пробормотал:

– Ради бога, Моуэт, скорее прячьте эту проклятую дичь! Разве вы не знаете, что до сезона охоты на степных тетеревов еще целая неделя?

В ту первую осень мы с папой научились многому. Мы узнали, что венгерская куропатка – самая хитрая из птиц: быстрая, как пуля, в полете и почти такая же быстроногая, как газель, когда она бежит по земле через густые заросли. Мы привыкли к шумному и стремительному, похожему на взрыв вылету куропаток из высокой болотной травы. Мы узнали, что есть только один вид утки, по которой уважающие себя охотники Запада соизволят стрелять: это зелено-головая кряква.

Последний урок мы выучили так крепко, что он чуть не стоил нам жизни. Как-то в октябре мы обнаружили десяток зеленоголовых, которые безмятежно кормились в болотце в нескольких ярдах от хижины, по-видимому давно заброшенной. Хотя утки выглядели немного крупнее тех, за которыми мы безрезультатно гонялись целый сезон, мы с трудом поверили тому, что у них оказался хозяин, да к тому же еще и инспектор по охране дичи, человек с крайне преувеличенным представлением о стоимости его домашней птицы. В тот раз мы еще легко отделались, так как хозяин-инспектор мог бы обвинить нас в превышении нормы отстрела, будь такая норма применима к домашним уткам.

Тот первый сезон убедительно показал, что нам очень не хватает помощи подружейной собаки – если не пойнтера, то по крайней мере хорошего ретривера. Мы потеряли много раненных в крыло куропаток, которым удалось убежать и спрятаться. Один раз чуть не потеряли самого папу, когда он вошел в озеро с зыбучим песком, чтобы достать птицу, которую позже определили как большого баклана. Память о потерянных птицах и особенно о зыбучем песке мучила папу целый год и придавала новый вес маминым доводам, когда подошел следующий сезон охоты. Она свято верила в Матта, а может быть, это было только упрямство.

Папа сдавал позиции медленно и пытался обороняться.

– Ведь очевидно, что Матт не охотничья собака! – настаивал он, отступая еще на пару шагов.

– Ерунда! – возражала мама. – Ты отлично знаешь, если Матт что задумает, он все может сделать. Вот увидишь.

Не думаю, чтобы папа хоть один раз открыто признал себя побежденным. Никаких слов не было сказано, но, когда охотничий сезон приблизился, стало ясно без слов: Матту дадут возможность показать себя. Матт чуял, что затевается что-то необычное, но не понимал еще,

что именно. Он с любопытством следил за тем, как мы с папой вытаскивали наши драгоценные охотничьи брюки из кучи старья, которое мама отложила, чтоб отдать Армии спасения¹⁴ (это был ежегодный ритуал); собака в растерянности сидела рядом, когда мы чистили ружья и подновляли подсадных – деревянных – уток. Когда до дня открытия охоты оставалось уже совсем мало времени, пес начал проявлять что-то похожее на интерес к нашим приготовлениям и даже стал отказываться от своих ночных обходов мусорных баков. Мама быстро смекнула, что такое поведение – признак пробуждения наследственного охотничьего инстинкта.

– Скоро надумает, – сказала нам мама. – Подождите – и увидите!

Ждать долго не пришлось. Открытие сезона было в субботу, а накануне днем один фермер, который познакомился с папой в библиотеке, позвонил и сказал, что на своем жнивье видел большие стаи крякв. Это место находилось примерно в ста милях¹⁵ западнее нашего города, поэтому мы решили выехать в пятницу вечером и заночевать на ферме.

Мы покинули Саскатун в сумерках. Мэтт влез в автомобиль довольно охотно и, захватив откидное сиденье, погрузился в тревожный сон. Было слишком темно, чтобы видеть гоферов, и слишком холодно, чтобы сунуть свой нос-картошку в воздушный поток для обследования новых удивительных запахов. Поэтому он шумно спал, в то время как Эрдли трясся по грязным дорогам залитой лунным светом прерии. Папе и мне было не до сна. Мы знали, впереди большие стаи устраиваются на ночлег, на рассвете они поднимутся с широких полей для утреннего полета на ближайшее болото, где утолят жажду и немного посплетничают, прежде чем вернуться к такому серьезному занятию, как склевывание зерен пшеницы, оставшихся после молотбы.

В полночь, достигнув цели нашего пути, мы свернули с дороги и проехали полем к скирде соломы в полумиле от болота. С наступлением темноты мы ощутили пронизывающий холод приближающейся ранней зимы, а ждать рассвета нам предстояло много часов. Я выкопал в соломе пещерку для нас троих, а папа тем временем при тусклом свете фар Эрдли собрал ружья. Когда все было готово для встречи утренней зари, папа присоединился ко мне, и в ароматной уютной норе из соломы мы завернулись в одеяла.

Через дыру в соломе заглядывала полная луна – луна охотничьей удачи. Присмотревшись, я различил сверкание кристалликов инея, который начал покрывать капот Эрдли. Где-то высоко-высоко, а может быть, только в моем воображении мне слышался трепетный шум крыльев. Я протянул руку – рука коснулась холодного, липкого от смазки ствола моего ружья, лежавшего рядом в соломе. Меня охватило особое счастье, какого мне с той далекой поры больше не довелось испытать.

Мэтт не разделял моего счастья. Он никогда не любил спать под открытым небом, и в эту холодную ночь его не радовали ни морозные поля, ни сияющее небо. Он не доверял сомнительному уюту нашей пещеры и, подозревая, что это какая-то ловушка, отказался покинуть теплое сиденье автомобиля.

Примерно через час после того, как сон победил меня, я внезапно проснулся от пронзительного заливистого воя койота, прозвучавшего в холодном воздухе где-то совсем рядом. Не успел койот исполнить свою песнь даже до половины, как Мэтт пулей влетел в пещерку, отскочил от папы, как упругий мяч, и, дрожа, плюхнулся мне на живот. Я охнул от удара и сердито сбросил его. В темноте завязалась беспорядочная толкотня, в которую вплелось папино недовольное бормотанье насчет «охотничьих собак», которых пугает вой койота. Мэтт не ответил, а, обрушив на наши головы порядочную часть соломенной кровли, свернулся у меня на груди и притворился, что спит.

Перед рассветом меня разбудила соломинка, которую пошевелила хлопотунья-мышь, а затем щебетанье вьюрков на стерне перед нашим убежищем. Я разбудил папу, и мы начали в

¹⁴ Армия спасения – христианская благотворительная организация.

¹⁵ В миле 1,6 км.

полусне возиться с грязными ботинками и тяжелой от влаги одеждой. Матт путался под ногами. Он упорно отказывался встать в такую рань, и в конце концов его пришлось вытащить из теплого укрытия силой. Казалось, все его унаследованные охотничьи инстинкты – если таковые имелись – за ночь атрофировались. И когда мы готовили завтрак над шипящим голубым пламенем примуса, то не испытывали никакого оптимизма относительно потенциальной ценности пса.

А когда наконец было покончено с кофе и мы тронулись по хрупкой от мороза стерне к болотистому озерку, Матт нехотя согласился сопровождать нас, и то лишь ради того, чтобы не остаться один на один с койотами.

Было еще темно, но на востоке уже родился слабый намек на тусклый свет, когда мы шагали мимо окаймляющих болотистую низину тополей к засидке – укрытию из тростника, – которую фермер соорудил для нас. Тишина казалась беспредельной, а холод был настолько неумолимым, что кусал сквозь одежду, и я весь дрожал от его прикосновений. Крепко стиснутый между моими коленями, когда мы сидели на корточках в укрытии, Матт тоже дрожал и время от времени невнятно ворчал, возмущаясь глупостью взрослых и мальчишек, которые добровольно подвергают себя и своих подчиненных таким труднопереносимым мучениям.

Я не обращал внимания на его жалобы, так как ожидал рассвета. Дрожа от возбуждения не меньше, чем от холода, я ждал, напрягая зрение и слух, казалось, конца вечности. Затем с внезапностью летней молнии наступил рассвет. Сквозь вуаль сбросивших листву деревьев я увидел живое серебро озера, волшебным выступившее из густого тумана. Мерцающую водную гладь покрывало рябью от медлительных движений двух чирков с зелеными крыльями. При взгляде на них мое сердце отчаянно забилося, и рука в перчатке так крепко вцепилась в ошейник Матта, что тот вздрогнул. Я посмотрел на собаку и с удивлением заметил, что его мрачное недовольство сменил острый интерес, правда с примесью растерянности. Возможно, ему передалась частица моих ощущений, а может быть, мама была на самом деле права, когда говорила о его наследственности. У меня не было времени на размышления – птицы приближались.

Сначала мы уловили низкую отдаленную вибрацию, которую и слышали, и воспринимали всем нутром. Скоро эти колебания воздуха перешли в нарастающий глубокий звук, как будто, вспарывая воздух, на нас неслось бесчисленное множество артиллерийских снарядов. Я услышал почти беззвучное восклицание папы и, выглянув из укрытия, увидел, как потемнело желтое небо, когда его закрыла живая туча. А затем бесчисленное множество хлопающих крыльев окутало нас ревом океанского прибоя, дробящегося о скалы.

Когда, пораженный этим фантастическим зрелищем, я поднял лицо, папа быстро прошептал:

– Один-то круг они обязательно сделают. Не стреляй, пока не начнут садиться.

Теперь все небо дрожало от взмахов крыльев. Пролетело пять-десять тысяч птиц, и шум отдалился, потом снова стал нарастать, осязаемо приближаться: желанный момент был близок. Я выпустил ошейник Матта, чтобы снять ружье с предохранителя.

Матт обезумел.

Во всяком случае, это самое благосклонное объяснение того, что он сделал. Из сидячего положения он прыгнул вверх так высоко, что перемахнул через переднюю стенку укрытия, а приземлившись, помчался со скоростью, на которую никогда не был и не будет способен. И подал голос. Визжа и таякая в истеричном порыве, он мог бы сойти за две дюжины собак, никак не меньше.

Мы с папой выстрелили вдогонку быстро удалявшейся стае, но это был не более чем жест – разрядка нашему гневу. Затем мы опустили бесполезные ружья и разразились жуткими проклятиями вслед нашей подружейной собаке.

Но мы могли бы спокойно побереечь наши голоса. Не думаю, чтобы Матт вообще слышал нас. Он несся стрелой по сверкающим полям, и казалось, вот-вот оторвется от земли, а стая

перепуганных уток накрывала его своей тенью. В беспредельной дали он превратился в точку, потом точка исчезла, и в мире наступила тишина.

Слова, которые мы могли бы сказать друг другу, когда мы потом сидели, прислонившись к стенке укрытия, не передали бы наших чувств. Мы и не говорили, мы просто ждали. Взошло красное солнце, небесный диск стал ослепительно-ярким, и только тогда мы окончательно поняли, что уток в это утро нам больше не видать. Мы возвратились к автомобилю и сварили немного кофе. Оставалось только ждать Матта.

Он вернулся через два часа, причем пришел так осторожно, под прикрытием изгородей, что я заметил его только в пятидесяти ярдах от автомобиля. Матт представлял собой печальное зрелище. Уныние сквозило в каждой черточке его существа – от опущенного хвоста до жалко повисших ушей. Ему явно не удалось схватить ни одной утки.

Для папы этот первый опыт с Маттом был и горьким и сладким. Конечно, мы упустили уток, но папа снова был на правильном пути к тому, чтобы захватить инициативу на домашнем фронте в своих действиях против мамы. Первую стычку он выиграл. Но папа был не из тех, кто успокаивается на достигнутом. Поэтому за первую неделю этого сезона мы не подстрелили вообще ни одной птицы, а Матт с полной убедительностью показал, что он не был и никогда не будет собакой для охоты на птицу.

Надо отдать ему должное: Матт все еще болезненно страдал от неудачи своего первого охотничьего выступления и очень старался сделать нам приятное. Однако было ясно, что настоящую цель наших экскурсий на осеннюю равнину он был не в силах понять.

На второй день выезда на охоту он решил, что мы охотимся на гоферов, и большую часть того дня энергично раскапывал их глубокие норы. Он не получил никакого вознаграждения за свои труды – разве что приступ астмы от большого количества пыли, забившей ему всю носоглотку.

В третий выход в поле он решил, что мы охотимся на коров.

Тот день запомнился нам надолго. Матт бросался в погоню за коровой с исступленным неистовством. За несколько часов он превратился в одержимую собаку. Это был ужасный день, однако для папы он имел свои положительные стороны. Когда вечером мы вернулись домой – очень усталые, очень пыльные и без птиц, – он имел повод злорадно доложить маме, что ее «охотничья собака» попыталась найти и принести сорок три телки, двух быков, семьдесят два молодых бычка и старого вола, принадлежавшего семье духоборов.

Моему папе, должно быть, казалось, что теперь-то его давнее суждение о Матте полностью подтвердилось. Но папу должно было бы насторожить то спокойствие, с которым мама восприняла его отчет о событиях дня.

Скачок моей мамы с зыбкой болотистой почвы на твердую землю был настолько впечатляющим, что у меня захватило дыхание, а папа, ошеломленный, не нашелся что ответить.

Мама улыбнулась ему снисходительно.

– Бедный, славный Матт, – сказала она. – Он знает ужасную цену говядины в наши дни.

Глава 5

Матт – загонщик диких уток

Я думал, что после неудач той первой недели охоты Матта не будут брать с собой. Это казалось логичным, хотя логика была редким гостем в нашем доме. Именно поэтому меня очень удивило, когда однажды утром я обнаружил, что участники нашей семейной битвы полов поменялись ролями. За завтраком мама стала развивать новую мысль насчет того, что Матт слишком умен, чтобы тратить время на беганье за птицей, а папа тут же возразил самым неожиданным для меня образом, что, мол, он любую собаку обучит чему угодно; Матт может стать и (черт возьми!) станет «лучшей собакой для охоты на птицу на всем Западе». Я подумал, что даже для папы это слишком опрометчивое высказывание, но он твердо стоял на своем мнении, и поэтому весь остаток сезона Матт сопровождал нас в каждом выезде на охоту, и они с папой вели незатишающую борьбу принципов, которая временами приобретала гигантский размах.

Трудность заключалась в том, что, один раз изведав радости погони за скотиной, Матт решительно предпочитал коров птицам. Задача отучить его от преследования парнокопытных и заинтересовать пернатыми казалась безнадежной. Однако папа добивался своего с таким упорством, что к концу сезона стали заметны некоторые слабые проблески успеха. В тех редких случаях, когда Матт позволял нам подстрелить дичь, мы совали птицу ему в пасть или вешали на шею, как альбатроса¹⁶, чтобы он отнес ее к автомобилю. Это занятие его глубоко возмущало, так как от перьев равнинной пернатой дичи он начинал чихать, а неприятный вкус жира на утиных перьях, очевидно, вызывал у него легкую тошноту. В конце концов его все-таки удалось уговорить подобрать венгерскую куропатку по собственной воле, но он сделал это только потому, что папа твердо дал ему понять, что если он не порадует нас, то коров ему в тот день больше не гонять. Наконец как-то в начале октября он наткнулся на убитую куропатку без нашей подсказки, и, может быть, потому, что поблизости не было коров, а ему было скучно, он подобрал ее и принес нам. Это первое апортирование не было абсолютным успехом, так как Матт не обладал тем, что специалисты-собаководы называют «мягкая хватка». Когда мы получили куропатку, то это была всего лишь пригоршня окровавленных перьев, но мы не посмели жаловаться.

Неисправимые оптимисты, мы восприняли этот случай как обнадеживающий знак и удвоили наши старания. Однако Матт оставался прежде всего преследователем коров, и только в последнюю неделю охотничьего сезона в нем начались серьезные перемены.

Занимаясь распространением книг, мой папа перезнакомился со множеством разных людей во всех концах нашей провинции. Одним из новых знакомых был иммигрант – украинец Пол Сазалисский. Полу принадлежали два участка земли по берегам огромного заболоченного озера Мидл-Лейк, которое лежит на порядочном расстоянии к востоку от Саскатуна. В четверг последней недели сезона Пол позвонил папе и сообщил, что на этом озере собираются огромные стаи канадских гусей. Он звал нас приехать и попытать счастья.

Во время нашего путешествия был жуткий холод. Землю уже покрыл снег, а северный ветер дул с такой силой, что Матт ни разу не погнался за скотиной. Он предпочитал лежать, свернувшись калачиком на теплом полу кабины, обдуваемый обогревателем, жадно вдыхая порции горячего воздуха и выхлопных газов.

Мы прибыли на Мидл-Лейк ранним вечером и увидели заброшенную землю, которая даже на наш взгляд казалась образцом запустения. Дороги, а точнее просто замерзшие колеи,

¹⁶ В поэме Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе» матросу, убившему альбатроса (дурная примета!), в наказание повесили эту птицу на шею (но, несмотря на это, судно постигло множество несчастий).

уныло извивались по некоему подобию лунного ландшафта. Поиски фермы Пола были долгими и мучительными.

Жилище Пола, когда мы его наконец нашли, оказалось обмазанной глиной лачугой, выступавшей над побелевшей равниной, как бородавка на лице. Эта неприглядная хатенка имела только две комнаты (каждая с одним крохотным оконцем), но в них жили Пол, его жена, родители жены, семеро детей Пола и два двоюродных брата, которых наняли помогать со свиньями. Скоро мы поняли, что свиньи были главной опорой этого хозяйства, и их запах царил повсюду. Этот аромат казался мне очень неприятным и намного ядовитее того, который обычно характерен для свиней. Но этой особенно пронзительной вони скоро нашлось объяснение.

Как и многие иммигранты, которые прибыли из Центральной Европы, поддавшись притягательной силе имевшихся в Канаде свободных земель, Пол был умен и дальновиден. Лишь только он стал владельцем участка на берегу Мидл-Лейк, он тщательно обчислил все природные богатства, оказавшиеся в его руках. Скоро Пол обнаружил, что узкая протока, проходившая по его владению и соединявшая два главных залива озера, кишит крупными прилипами. Для рынка эта рыба с быстро портящимся мясом не годилась, и ею никто не интересовался до тех пор, пока не появился Пол. А он сразу ее заприметил и кое-что смекнул. Пол решил, что если эту рыбу нельзя сбыть на рынке в ее естественном виде, то ее отлично можно продавать, превратив в более удобоваримый продукт – такой, как свинина.

Занявшись разведением свиней, причем в крупных масштабах, он поразил соседей, которые умели только сеять пшеницу.

Он приобрел три ручных сачка и начал откармливать свиней прилипами. На этой чисто белковой диете свиньи сказочно росли, достигая годного для продажи веса в три раза быстрее, чем те, которых откармливали кукурузой. Свиньи отлично плодились, и их потомство обожало рыбу.

Для местных Пол был в какой-то мере загадкой. Никто из его соседей не знал про рыбу. У Пола были два повода для скрытности. Во-первых, он не хотел делиться своим добром с тугодумами, а во-вторых, на Украине ему довелось отведать свинины, откормленной на рыбе. Имея такой опыт, он предпочитал доставлять своих свиней в далекий Виннипег, пренебрегая более доступными местными рынками, и бодро сносил дополнительные расходы на перевозку. Местные считали его глупцом, но Пол не собирался объяснять, что умышленно выбрал Виннипег, так как в этом большом городе розничные торговцы мясом просто не в состоянии проследить, откуда берутся свиные окорока и бекон, которые, казалось, долго вымачивали в рыбьем жире.

В последующие годы Пол стал на Западе влиятельным и уважаемым человеком. Он был из того теста, из которого получают великие люди.

Когда мы с ним познакомились, его карьера еще только начиналась и он не мог предоставить гостям достаточно комфортабельных условий, однако, несмотря на это, лишь Эрдли подкатил к двери его хижины, он гостеприимно принял нас в лоно своей семьи. Но в жарких объятиях семьи очутились только папа и я. Матт отказался от этой чести. Понюхав воздух около хаты с плохо скрываемым отвращением, он сперва даже отказался вылезти и сидел в автомобиле, время от времени фыркая мокрым носом. Только когда крошечная тьма принесла колючее дыхание зимы и вой койотов, он стал царапаться в дверь.

Как и большая часть семьи Пола, мы трое спали на полу – у них была только одна кровать. На полу было даже лучше, так как внизу в воздухе оставалось еще немножко кислорода. Очень-то много его не было нигде, ведь ни одно из двух окошек не открывалось, и струйка свежего воздуха, которая просачивалась под дверь, скоро терялась в водовороте других безымянных газов. Наши легкие работали на пределе, и мы отчаянно потели от топившейся печки, которая всю ночь гудела, как огнедышащий вулкан.

Для нас с папой эта ночевка была серьезным испытанием. Для Матта – настоящим адом. Судорожно глотая воздух, он вертелся на полу в поисках облегчения и не находил его. В конце концов, уткнув свой нос мне под мышку, пес смиренно обрек себя на верную смерть от удушья.

Впервые в жизни Матт был рад встать еще до восхода солнца: когда в четыре часа утра миссис Сазалисская открыла дверь, направляясь за дровами для приготовления завтрака, Матт, пошатываясь и испуская стоны, выскочил из комнаты. Он еще полностью не пришел в себя, когда через час Пол повел нас на болотистый берег озера и дальше по низкой илистой косе.

На оконечности косы Пол заранее выкопал для нас две ячейки. В них стояла вода, покрытая коркой льда. От застывшего ила несло холодом. С северо-запада дул злой ветрище, и, хотя в темноте еще ничего не было видно, наши лица ощущали острые прикосновения секущего снега.

Пол ушел, посоветовав не прозевать стай, которые должны появиться у нас из-за спины, и мы трое уселись ждать рассвета.

Вспоминая пережитое, скажу: так холодно мне не было никогда. Даже возбуждение от ожидания первого выстрела по птице не могло заставить кровь течь по моим окоченевшим рукам и ногам быстрее. Что же касается Матта, то он вскоре вообще перестал что-либо чувствовать. Мы подстелили ему мешок, но от этого было мало толку. Пес начал сильно дрожать, затем сопеть, и наконец зубы его застучали. Папа и я удивились: никогда раньше нам не доводилось слышать, чтобы у собаки стучали зубы. Просто не верилось, что такое возможно. Однако в течение всего бесконечного ожидания зубы Матта стучали, подобно бесконечному потоку гравия. Псу было так холодно, что он даже перестал жаловаться, и мы поняли, что это плохой признак, так как, если уж Матт не может жаловаться, значит, его силы на исходе.

Наконец наступил рассвет – серый и хмурый. Небо посветлело настолько слабо, что мы с трудом осознали наступление утра. Папа и я напряженно смотрели на беспокойные воды, как вдруг услышали звук крыльев. Разом позабыв о холоде, мы скорчились в залитых водой ямах и онемевшими, несмотря на перчатки, пальцами взяли ружья на изготовку.

Папа увидел стаю первым. Он резко ткнул меня в бок, я обернулся вполоборота и увидел ни с чем не сравнимое, величественное зрелище. Из серых, гонимых ветром облаков, подобно «летучим голландцам»¹⁷, на нас неслась, взмахивая своими тяжелыми крыльями, стая перекликающихся лебедей. Они проплыли прямо над головой меньше чем на расстоянии выстрела, но в этот миг, величавый и таинственный, мы пребывали вне времени и пространства. Потом они исчезли, и снежные вихри снова скрыли все.

Если бы после такого зрелища мы не увидели за весь день ничего живого и ни разу не выстрелили, это было бы уже неважно. Однако первая стая лебедей была всего лишь вестником приближения других стай. Ветреную тишину илистой косы скоро нарушили звучные крики огромных гусиных стай. Они величаво скользили над нами. В тот день птицы летели низко и были нам хорошо видны – снежные гуси с поразительно белой грудью и черными как смоль концами крыльев, пристроившиеся к ним мелкие стайки полярных лебедей, следом – канадские казарки. И когда резкий свист рассекавших воздух огромных крыльев перекрыл шум ветра, папа и я встали и подняли ружья. Птицы летели низко над нами, и мы разом выстрелили. Выстрелы прозвучали еле слышно, их звук погас в реве ветра и воды.

Одна птица оказалась подбитой – ей просто не повезло: позже мы признались друг другу, что ни один из нас по-настоящему не целился в этих величавых серых птиц. Тем не менее одна из них, казавшаяся при бледном свете огромной и первозданной, крутой спиралью пошла вниз. Птица упала в воду в ста ярдах от берега, и мы с огорчением увидели, что она только ранена в крыло, так как, вытянув шею, тут же поплыла следом за удалявшейся стаей.

¹⁷ Распространенный в литературе образ парусного судна-призрака.

В волнении мы подбежали к кромке воды. Нас привела в смятение не возможность упустить гуся, а скорее мысль о том, что мы обрекли эту птицу на медленное умирание среди образующегося льда. Лодки у нас не было. Пол обещал вернуться рано утром в маленьком челноке-долбенке, но он еще не появился, а гусь быстро удалялся и грозил скрыться с глаз.

Мы совсем забыли про Матта и застыли в изумлении, когда он вдруг оказался рядом, бросил быстрый взгляд на исчезающую птицу и прыгнул в ледяную воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.